

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-287-295

Н. М. Ветров¹

*Луганская государственная академия культуры
и искусств имени М. Матусовского (Луганск, ЛНР)*

МЕТАТЕКСТ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ

Рассмотрение мира как текста неизбежно приводит к постановке вопроса о взаимосвязях между отдельными семиотическими структурами. Единство культурного поля в диахронном и синхронном измерениях достигается за счёт метатекстуальных отношений – связей между исходным гипотекстом и вновь продуцируемым гипертекстом. Благодаря метатекстуальности как основе трансляционных процессов в культуре формируется единый вектор цивилизационного развития, обуславливающий нормативную основу социальных взаимоотношений.

Ключевые слова: метатекстуальность, антропосфера, гипотекст, гипертекст, интерсемиотика, реконтекстуализация

Nikita M. Vetrov

Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts (Lugansk, LNR)

METATEXT AS A MEANING-FORMING FACTOR OF CULTURAL TRANSMISSION

Considering the world as a text inevitably leads to posing the question of interrelations between individual semiotic structures. The unity of the cultural field in the diachronic and synchronous dimensions is achieved through metatextual relations – connections between the original hypotext and the newly produced hypertext. Due to metatextuality as the basis of translational processes in culture, a unified vector of civilizational development is formed determining the normative basis of social relationships.

Key words: metatextuality, anthroposphere, hypotext, hypertext, intersemiotics, recontextualization

В философской системе постмодерна одним из наиболее ярких постулатов выступает предложенная Жаком Деррида интерпретация мира как текста [Derrida, 1998]. Разрабатывая теорию грамматики, Деррида поме-

¹ Никита Михайлович Ветров – аспирант кафедры культурологии Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (Луганск, ЛНР). E-mail: elvientos@yandex.ru.

щает историю философии в целом и метафизики в частности в лингвистический контекст. Развитие данного подхода в философии культуры конца XX – начала XXI веков привело к повышенному вниманию исследователей к феноменам интертекстуальности (открытой диалогичности и взаимосвязанности различных текстов) и метатекстуальности (аллюзивно-дискурсивному культурному фону, оставляющему реципиенту широкое поле для интерпретаций и превращающего его в полноценного соучастника коммуникативного процесса). Роль метатекста в смыслообразовании в системе коммуникации представляет собой предмет рассмотрения настоящей работы.

Основной характеристикой метатекста в отличие от интертекста является его имплицитность. Метатекстуальность может рассматриваться как трансцендентность текста в значении выхода за рамки непосредственной эксплицитной данности, более того, может предшествовать восприятию самого текста путём формирования ожиданий от него. Метатекстуальность опирается на уже существующий массив текстов, из которых возникает формируемая реальность. В этом случае новая реальность выступает в роли гипертекста, содержащего имплицитные ссылки на гипотекст – уже сформированное смысловое пространство, задающее общий вектор культурного развития социальной группы вплоть до человечества в целом. В качестве характеристики метатекстуальность является неизбежным свойством любого текста, а метатекстуальные интенции – его обязательной составляющей.

По отношению к потенциальному реципиенту метатекстуальные знаки могут быть разделены на две группы: итеративные и пресуппозитивные. Итеративность строится на принципе повторяемости гипотекстовых смыслов гипертекстом без прямого цитирования. В качестве примеров итеративной метатекстуальности могут рассматриваться научные школы, где последователи развивают нарративы своих предшественников, или такие литературные произведения, как «Улисс» Дж. Джойса, итеративно восходящий к «Одиссее» Гомера. Пресуппозиция в коммуникативной логике строится на скрытом предположении об уже имеющемся у адресата знании, например, строка из романа «Мне некуда больше спешить...» наталкивает слушателя на мысль о том, что раньше было иначе, позволяя самому осмысливать прошлое лирического героя. Пресуппозитивная метатекстуальность может сопровождаться авторскими триггерами, стимулирующими реципиента к выходу за пределы денотативного текстового пространства. В роли таких триггеров часто выступают глаголы со значением мыслительной либо оценочной деятельности:

фраза «Я помню чудное мгновенье...» автоматически предполагает существование этого мгновения в прошлом, даже если бы далее не следовало его описание.

Метатекстуальность опирается на семиотику как принцип наделения знака значением в структуре текста [Семиотика культуры, 2011, с. 23], однако здесь следует говорить скорее об интерсемиотике – межтекстовых смыслах, существующих в локальной либо глобальной антропосфере. Также предтечей теории метатекстуальности можно считать гетероглоссию М. М. Бахтина [Бахтин, 2012, т. 3]: в зависимости от коммуникативных связей реципиента с тем или иным участком антропосферного смыслового поля один и тот же эксплицированный знак способен индуцировать различные смыслы, расслаивая уровни восприятия текста. В данном значении интерсемиотичность заменяет собой понятие интерсубъектности, поскольку смысл транслируется не напрямую, а с использованием системы кодирования, вовлекающей в себя внешние по отношению к данному коммуникативному акту тексты. Более того, концепция интерсубъектности в коммуникативно сужающемся мире утрачивает позиции в силу всё более усиливающейся размытости субъектов культурной трансляции: смысловые поля реципиентов множественны и неопределённы, вследствие чего акцент смещается с ориентации на свойства субъектов в сторону ориентации на свойства знаков, определить и использовать которые проще.

В значительной степени такой подход противоречит (и диалектически дополняет) концепции Барта о конструировании смыслов читателем на основе интертекстуальных связей [Барт, 1989]. Знаковая система гипертекста задаёт отсылку к конкретному гипотекстовому корпусу, направляя читательскую интерпретацию по определённому вектору, и этот вектор определяется именно знаками, включая метатекстуальные. В зависимости от гипотекстовой укоренённости, формируемыми в результате восприятия текста смыслами можно управлять, причём далеко не всегда на это способен сам автор, что дало Барту основания говорить о его смерти. С точки зрения метатекстуальности, управляющая роль в процессе коммуникации принадлежит не какому-либо из её субъектов, а антропосфере в целом и её отдельным фрагментам, актуализирующимся через гиперссылки на них, при этом метатекстуальные знаки выполняют роль таких гиперссылок.

Метатекстуальность как способ построения культурного пространства наглядно демонстрируется гипертекстовыми интернет-протоколами. Никакой сетевой текст не является самодостаточным и изолированным, представляя собой

лишь часть всемирной текстовой мозаики. По тем же причинам никакой текст не может претендовать на исключительную центральную роль, системообразующая функция распределена в сети точно так же, как культуuroобразующая – между её носителями, порождающими, модифицирующими и уничтожающими смыслы коммуникативным путём.

В структуралистской и постструктуралистской философско-лингвистической парадигме процесс метатекстуального взаимодействия рассматривается как двухфазный: первая фаза – извлечение знаков и смыслов из исходного контекста – получила название деконтекстуализации, а вторая – включение их в новую структуру с частичным переопределением – была названа реконтекстуализацией [Blackledge, 2005, с. 12]. В качестве характеристик, определяющих деконтекстуализируемый гипотекст и реконтекстуализируемый гипертекст, Р. Бауман выделил доступность, легитимность, компетентность и ценность коммуникативных взаимосвязей между ними [Bauman, 1990, с. 76].

Доступность гипотекста определяется институциональными структурами и коммуникативными внутрикультурными связями, обеспечивающими беспрепятственное обращение к нему. Легитимность представляет собой степень доверия к гипотексту, реализуемую через коммуникативный рейтинг источника, который в свою очередь опирается на предыдущий текстовый массив из этого источника. В результате коммуникативный рейтинг становится косвенной метатекстуальной характеристикой, поскольку описывает не сам гипо- и гипертекст, а их источник, таким образом соотнося их с другими текстовыми корпусами не напрямую, а опосредованно. Компетентность коммуникативных связей подразумевает под собой способность субъекта успешно и надлежащим образом осуществлять деконтекстуализацию и реконтекстуализацию, выстраивать интертекстуальные связи на основе имеющегося культурного знания. Наконец, ценность транспонируемых смыслов является мотивационной составляющей, включающей в себя социальную, этическую, гносеологическую и эмоциональную значимость текста как для отдельно взятого субъекта, так и для культуросферы в целом либо её фрагмента.

Структурно метатекстуальные знаки подразделяются на интратекстуальные, интертекстуальные и интердискурсивные [Linell, 1998, с. 154]. Интратекстуальные знаки функционируют в пределах одного и того же текста, дискурса, произведения. Внутритекстовая реконтекстуализация является значимой для большинства дискурсов, поскольку относится к упоминаемому ранее либо превосхищает то, что должно быть выражено. Интратекстуальные

знаки обеспечивают динамику развёртывания текста независимо от его типа, будь то вербальное повествование, музыкальное произведение или восприятие природного явления. Палитра интратекстуальных знаков чрезвычайно широка: применение анафор, аллитераций, ассонансов и других приёмов, зависящих от типа текста и средств выразительности. Интертекстуальная реконтекстуализация связывает элементы разных текстов, их знаков и смыслов. Интертекстуальные взаимоотношения обеспечивают преемственность культуры и целостность информационного континуума. Наиболее высокоуровневыми и наименее явно выраженными являются интердискурсивные связи, например, межжанровые. Среди интердискурсивных средств можно выделить аллюзию – стилистическую фигуру, строящуюся на аналогии или намёке на факт, закреплённый в гипотексте. Для восприятия аллюзии необходимо, во-первых, знание самого гипотекста, а во-вторых – распознавание открыто не сформулированной отсылки к нему, что делает аллюзию одним из наиболее сложных метатекстуальных механизмов. В научной деятельности в качестве интердискурсивности можно рассматривать междисциплинарные элементы, такие как применение математики и статистики в социальных науках с целью анализа количественных данных.

Реконтекстуализация может использоваться для управления восприятием текста. В политическом дискурсе распространена практика, когда высказывания значимых фигур постфактум сопровождаются комментариями, стимулирующими выгодную с точки зрения конъюнктуры расстановку акцентов [Hodges, 2008]. Популяризация научных исследований, то есть изложение их в доступном виде, повышает доверие к научным достижениям и делает науку более привлекательной для аудитории. Более того, ориентированная на будущее реконтекстуализация, которая может быть названа прекоконтекстуализацией, является упреждающей метаформой, предвосхищающей будущий, ещё не сформированный дискурс.

Одним из сложных моментов практической реализации метатекстуальности выступает её этический аспект. Задействование чужого текста при создании своего часто обходится без указания источника заимствования, особенно на интердискурсивном уровне. В результате возникает необходимость разграничения метатекстуальных механизмов и плагиата. Такое разграничение должно лежать в интенциональной плоскости: метатекстуальность приводит к трансформации уже существующих смыслов и созданию новых, в то время как плагиат нацелен на их слепое копирование. В случае с метатекстуальностью должна прослеживаться авторская позиция по отношению к гипотексту и предшествующим смыслам.

Основное внимание исследованию мета- и интертекстуальности уделяется литературоведами, однако спектр задействия таких механизмов значительно шире. Юриспруденция во многом строится на отсылках к законам и кодексам, медицинский диагноз базируется на корпусе врачебных текстов со времён древневосточной и античной медицины. С философской точки зрения, метатекстуальность является основой построения совместного разделённого знания, воплощающегося в культуре и формируемого коммуникативным путём. На метатекстуальных принципах строятся позиции научных школ, отталкивающихся от одних гипотекстов и интерпретирующих смыслы схожим образом. В этом случае происходит переход от непосредственно смыслов к смысловым слоям, поскольку обращение к гипотексту может быть не прямым, а опосредованным другими текстами, каждый из которых формирует свой контекст, а следовательно, смысловой слой.

С коммуникативной точки зрения смысловые слои создателя текста и его реципиента равно важны. Интерпретатор, воспринимающий текст, в процессе декодирования смыслов так же опирается на объём уже знакомых ему текстов, как и создатель при их кодировании. Чем выше процент совпадения таких гипотекстов у создателя и реципиента, тем выше вероятность успешной трансляции идей, заложенных автором, но тем уже пространство для творческих интерпретаций воспринимающей стороной. Баланс между точностью трансляции и её герменевтической широтой определяется целями коммуникации. При необходимости точной смысловой передачи гипотекстовая основа должна быть максимально доступна реципиенту, а ссылки на неё должны быть прямыми и явными. Если же целью коммуникации выступает выработка новых идей, гипотекстовый корпус должен выступать лишь в качестве фона, а отсылки к нему могут носить аллюзивный характер.

В широком смысле метатекстуальные основания культурной трансляции могут трактоваться как соотношение традиций и инноваций. Существующее в любой момент культурное поле самодостаточно, однако оно видоизменяется при введении нового творческого смысла, ассимилируя инновацию и становясь традицией. Бартовская «смерть автора» наступает в том числе и потому, что творящий в рамках культурного поля автор метатекстуален, он не является уникальным, а за пределы традиции он выйти не может. При этом традицию нужно понимать как синхронное, а не диахронное явление: все существующие тексты оказывают своё метатекстуальное воздействие в настоящем, одновременно, хотя и, возможно, опосредованно. Личность автора, так ценимая реалистами XVIII-XIX вв. в качестве источника идей, децентрализуется и уступает

место социальной и культурной традиции, привязка к которой осуществляется за счёт метатекстуальности. Постструктуралистское помещение смыслогенерации в треугольник взаимоотношений источника, текста и реципиента является разрушением как гегемонии автора, так и автономности текста, функции которых переходят к спектру распределённых метатекстуальных связей.

Выход на первый план метатекстуальности как способа существования текста во второй половине XX – начале XXI веков стал реакцией на резко увеличившуюся потребность в движении смыслов в пространстве и времени. Создаваемые смыслы всё сильнее утрачивают привязку ко времени и месту производства, которые ранее были ключевыми генерирующими факторами. Смыслы перестали рассматриваться как субстанциональные и неизменные, а язык – как канал их передачи, уступив место трактовке смысла как социального производства [Гольдберг, 2019, с. 133]. Посредством текстуализации человек встраивает свой личный опыт в антропосферу, при этом способ кодирования информации второстепенен. В конце XX века в коммуникативистике формируется понятие интермедиальности – взаимозаменяемости выразительных средств в различных формах искусства [Интертекстуальный анализ, 2018, с. 118], позднее расширившегося на все форматы коммуникативных взаимодействий. В современных условиях интермедиальность можно понимать как способность взаимодействовать в различных символических системах, обеспечиваемую минимальным критическим уровнем медиаграмотности.

Интермедиальность обеспечивает более высокую мобильность текстовых единиц, преобразуя линейные аналоговые данные (печатный формат, аналоговые аудио и визуальные носители) в дискретные единицы (пиксели, полигоны, воксели, символы, сценарии), которые могут собираться в более масштабные объекты, сохраняя при этом свою индивидуальность. Таким образом, интермедиальность ставит под сомнение два ранее ключевых коммуникативных принципа. Во-первых, исчезает иерархическое построение интертекстуальных конструкций и статусы основного и вторичных (третичных и т. д.) текстов. Во-вторых, подрывается авторитарный (заданный автором) порядок восприятия текста и манипулирующие сознанием реципиента авторские установки. Взамен интермедиальность предлагает широкий набор альтернативных изменяющихся фреймов, используемых для осмысления себя в мире и обеспечивающих реципиенту большую вовлеченность в реконтекстуализационный процесс. Интермедиальные механизмы возвращают коммуникативному процессу целостность, нарушенную введением различных систем символического кодирования, и открывают интерпретативные поля, недоступные в рамках любой из таких систем.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов: 1) метатекстуальность представляет собой дискурсивное культурное поле, предоставляющее реципиенту широкие интерпретативные возможности и превращающее его в активного участника коммуникационного процесса; 2) метатекстуальность опирается на уже существующий массив текстов, формирующих антропосферу, в результате чего новая реальность выступает в роли гипертекста, содержащего имплицитные ссылки на гипотекст – ранее сформированное смысловое пространство; 3) с коммуникативной точки зрения смысловые слои создателя текста и его реципиента равно важны: воспринимающий текст интерпретатор в процессе декодирования смыслов так же опирается на объём уже знакомых ему текстов, как и создатель при их кодировании, при этом чем выше процент совпадения таких гипотекстов у создателя и реципиента, тем выше вероятность успешной трансляции идей, заложенных автором, но тем уже пространство для творческих интерпретаций воспринимающей стороной; 4) баланс между точностью трансляции и её герменевтической широтой определяется целями коммуникации: при необходимости точной смысловой передачи гипотекстовая основа должна быть максимально доступна реципиенту, а ссылки на неё должны быть прямыми и явными, если же целью коммуникации выступает выработка новых идей, гипотекстовый корпус должен выступать лишь в качестве фона, а отсылки к нему могут носить аллюзивный характер; 5) метатекстуальные основания культурной трансляции могут трактоваться как соотношение традиции и инновации – существующее в любой момент культурное поле самодостаточно, однако оно видоизменяется при введении нового творческого смысла, ассимилируя инновацию и становясь традицией, при этом традицию нужно понимать как синхронное, а не диахронное явление, в рамках которого все существующие тексты оказывают своё метатекстуальное воздействие, а личность автора децентрализуется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Барт, Р.** Избранные работы: семиотика, поэтика / Р. Барт. – Москва: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. **Бахтин, М. М.** Слово в романе. Сочинения: в 7 т. Т. 3. / М. М. Бахтин. – Москва: Языки славянских культур, 2012. – 879 с.
3. **Гольдберг, Й.** Нейросетевые методы в обработке естественного языка / Й. Гольдберг. – Москва: ДМК Пресс, 2019. – 282 с.
4. **Интертекстуальный анализ: принципы и границы** / под ред. А. А. Карпова, А. Д. Степанова. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 316 с.

5. **Семиотика культуры:** коллективная монография / отв. ред. И. Е. Фадеева, Г. Л. Тульчинский. – Санкт-Петербург: Эйдос, 2011. – 362 с.

6. **Bauman, R.** Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life / R. Bauman // Annual Review of Anthropology. – 1990. – № 19. – Pp. 59–88.

7. **Blackledge, A.** Discourse and Power in a Multilingual World / A. Blackledge. – John Benjamins Publishing Company, 2005. – 262 p.

8. **Derrida, J.** Of grammatology / J. Derrida. – The Johns Hopkins University Press, 1998. – 360 p.

9. **Hodges, A.** The Politics of Recontextualization: Discursive Competition over Claims of Iranian Involvement in Iraq / A. Hodges // Discourse & Society. – 2008. – № 19. – Pp. 483–505.

10. **Linell, P.** Approaching Dialogue: Talk, Interaction and Contexts in Dialogical Perspectives / P. Linell. – John Benjamins Publishing Company, 1998. – 330 p.

REFERENCES

1. **Bart, R.** Izbrannyye raboty: semiotika, poetika / R. Bart. – Moskva: Progress, 1989. – 616 s.

2. **Bakhtin, M. M.** Slovo v romane. Sochineniya v 7 t. T. 3. / M. M. Bakhtin. – Moskva: Yazyki slavyanskix kultur, 2012. – 879 s.

3. **Goldberg, J.** Nejrosetevyye metody v obrabotke estestvennogo yazyka / J. Goldberg. – Moskva: DMK Press, 2019. – 282 s.

4. **Intertekstualnyj analiz:** principy i granicy / pod red. A. A. Karpova, A. D. Stepanova. – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018. – 316 s.

5. **Semiotika kultury:** kollektivnaya monografiya / отв. ред. И. Е. Фадеева, Г. Л. Тульчинский. – Санкт-Петербург: Эйдос, 2011. – 362 с.

6. **Bauman, R.** Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life / R. Bauman // Annual Review of Anthropology. – 1990. – № 19. – Pp. 59–88.

7. **Blackledge, A.** Discourse and Power in a Multilingual World / A. Blackledge. – John Benjamins Publishing Company, 2005. – 262 p.

8. **Derrida, J.** Of grammatology / J. Derrida. – The Johns Hopkins University Press, 1998. – 360 p.

9. **Hodges, A.** The Politics of Recontextualization: Discursive Competition over Claims of Iranian Involvement in Iraq / A. Hodges // Discourse & Society. – 2008. – № 19. – Pp. 483–505.

10. **Linell, P.** Approaching Dialogue: Talk, Interaction and Contexts in Dialogical Perspectives / P. Linell. – John Benjamins Publishing Company, 1998. – 330 p.